

A côté de ses amendements désastreux, M. Vári s'en est permis quelques autres qui, pour ne pas altérer ou supprimer le sens, n'en sont pas moins inutiles. Plusieurs de ces corrections rendent même, je le reconnais, la phrase plus grecque; mais la tâche d'un éditeur est-elle de faire que son auteur soit meilleur écrivain qu'il était en réalité? Le verbe βούλεσθαι, bien que le titre du chapitre le renferme, n'est point indispensable dans εἰ δὲ γε... ὁ ἅγιος <βούλεσθαι> ἐπελθεῖν διαγνῶ, p. 22, 20. N'est point nécessaire non plus le groupe μὴ μόνον dans ὅπως <μὴ μόνον> σκότους..., ἀλλὰ καὶ ἐν ἡμέρᾳ, p. 23, 1. On ne voit pas davantage, malgré la teneur du titre, la nécessité d'imprimer μετὰ <βαρείας> δυνάμεως, p. 23, 10. Pourquoi, p. 29, 8, changer τὰ τῶν ἐχθρῶν... δῆλα ποιεῖν, que donnent tous les manuscrits, en τὰ τῶν ἐχθρῶν... δηλοποιεῖν?

A corriger, M. Vári eût pu choisir d'autres passages. Dans ἄρχοντα τὸν ἐνδόξων συνέσει καὶ πειρᾷ κεκοσμημένον, p. 16, 15, l'article τὸν est à transformer en τῶν, de façon qu'on ait l'expression ἄρχοντα τῶν ἐνδόξων, laquelle se retrouve p. 25, 2. Comment l'éditeur comprend-il, p. 12, 1, les deux lignes: ἀπέχουσαι τῶν τε πεζικῶν ἐξωβίγλων, εἰ ὁμῶς ἐστὶ καὶ καθαρὸς ὁ τόπος ἐξ ἱκανοῦ διαστήματος? Pour comprendre, changez une lettre, ajoutez une virgule et lisez: ἀπέχουσαι τῶνδε πεζικῶν ἐξωβίγλων, εἰ ὁμαλὸς ἐστὶ καὶ καθαρὸς ὁ τόπος, ἐξ ἱκανοῦ διαστήματος. Dans la phrase χρὴ δὲ καὶ... αὐθις τελείσω τὸ ἀδνούμιον, p. 50 28, on peut se demander si l'impératif τελείσω n'a pas usurpé la place de l'infinitif τελείσθαι. A la p. 7, 7, pour le mot παραβαντίται, qui vient à coup sûr de παρὰ et de βάνδον, n'y avait-il pas lieu d'adopter l'orthographe παραβανδίται, comme Du Cange l'a fait dans son «Glossaire», p. 174?

Voilà, pour un livre qui n'a, tout bien compté, que 114 pages, des observations un peu longues. J'en conviens. Mais les reproches très graves mérités par M. Vári voulaient, à raison même de leur gravité, être appuyés sur des preuves. Ces preuves, le lecteur les a maintenant sous les yeux point complètes encore, il est vrai, suffisantes du moins pour lui montrer combien le petit opuscule byzantin si mal édité par Ch. Graux a trouvé un rééditeur en M. Vári.

Constantinople.

J. Pargoire.

А. А. Васильевъ, *Византия и арабы. Политическія отношенія Византии и арабовъ за время македонской династїи* (867—959 г.). СПб. 1902. XII + 320 + 220 стр. 8° (Записки Ист.-филол. факультета Спб. Университета, ч. LXVI и отдѣльно).

Докторская диссертация г. Васильева представляет собою продолжение магистерской, известной читателямъ «Виз. Временника» (см. т. VII, стр. 500 сл.). Обѣ книги построены по совершенно одинаковому плану и преслѣдуютъ вполнѣ аналогичную задачу—дать возможно полный сводъ

извѣстій византійскихъ и арабскихъ о военныхъ столкновеніяхъ и дипломатическихъ сношеніяхъ этихъ двухъ великихъ державъ за указываемый въ заглавіи періодъ времени, и на основаніи такого свода по возможности установить фактическую сторону событій, ихъ хронологію и топографію. Изслѣдованіе собственно историческое, тѣмъ болѣе — законченная историческая картина взаимодействія двухъ культурныхъ міровъ — дѣло слѣдующихъ томовъ; двѣ вышедшія книги г. Васильева не даютъ ея уже потому, что въ обѣихъ ихъ изложеніе строго ограничено сферой внѣшне-политическихъ событій. Конечно, кое-гдѣ у него встрѣчаются замѣчанія о трактуемыхъ имъ событіяхъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія, даются бѣглые очерки всемірно-исторической ихъ обстановки; но на подобныя страницы пока приходится смотрѣть, какъ на неизбѣжныя отступленія автора отъ истиннаго плана и характера его трудовъ. Давать подробную оцѣнку ихъ съ указанной стороны — дѣло трудное и многосложное, какъ многосложенъ самъ предметъ. При обилии и подчасъ противорѣчивости сообщаемыхъ матеріаловъ подробная историко-критическая ихъ разработка за иное десятилѣтіе потребовала бы, можетъ быть, книги размѣровъ диссертациі г. Васильева, обнимающей почти столѣтіе. Впрочемъ, сколько мы можемъ судить, работа г-на Васильева представляетъ достаточно полный сводъ извѣстій и во *многихъ* случаяхъ удачно разрѣшаетъ спеціальныя хронологическіе и топографическіе вопросы, связанные съ этими извѣстіями. Разборъ по существу его комбинацій не наше дѣло; его сдѣлаютъ лучше насъ спеціалисты по политической исторіи Византіи; мы же ограничимся лишь немногими замѣчаніями.

Обнимая, какъ уже сказано, почти цѣлое столѣтіе, полное мелкихъ и крупныхъ, многосложныхъ событій, работа г. Васильева принуждена подчасъ отказываться отъ подробнаго разбора спорныхъ вопросовъ; авторъ лишь вскользь упоминаетъ о томъ, что споръ существуетъ, называетъ и возможно сжато резюмируетъ главные труды, къ нему относящіяся, и затѣмъ афористически высказываетъ свое мнѣніе. Притомъ иногда, можетъ быть именно вслѣдствіе чрезмѣрной сжатости, отчеты его объ разныхъ ученыхъ мнѣніяхъ неполны и неточны, и ссылки, дѣлаемые имъ какъ бы въ обоснованіе своего мнѣнія, трудно понятны. Такъ на стр. 8, прим. 2 авторъ заявляетъ о своемъ несогласіи съ мнѣніемъ проф. Голубинскаго, что Продолжатель Теофана, въ рассказѣ о первомъ крещеніи русскихъ, смѣшалъ имп. Михаила съ Василиемъ и патріарха Фотія съ Игнатіемъ, такими словами: «но сравни Макарій, Исторія христіанства въ Россіи до Владиміра, 1846, стр. 268»¹⁾. Читатель есте-

1) Г. Васильевъ имѣетъ въ виду *первое* изданіе книги Макарія, какъ видно изъ года изданія. Въ данномъ случаѣ большой бѣды тутъ нѣтъ, такъ какъ именно подлежащія страницы принадлежатъ къ немногимъ, оставшимся во второмъ изданіи (1868 г.) безъ измѣненія; но все же лучше было бы, не вводя читателя въ смущеніе, сослаться прямо на второе изданіе, которое къ тому же и доступнѣе.

ственно думаетъ найти у Макарія соображенія, опровергающія проф. Голубинскаго; а на дѣлѣ Макарій, въ обоихъ изданіяхъ своей книги, твердо стоитъ за тотъ же взглядъ, что и проф. Голубинскій. На страницѣ, указанной г. Васильевымъ, Макарій, въ защиту разсказа Константина VII о чудѣ съ евангеліемъ при обращеніи русскихъ, говоритъ: «Константинъ родился въ началѣ X вѣка, писалъ 60—70 лѣтъ послѣ событія и могъ въ собственномъ семействѣ найти достовѣрныя свѣдѣнія о немъ». Но это не мѣшаетъ тому же Макарію, на 279 страницѣ своей книги, выражаться такъ: «Багрянородный писалъ спустя 60—70 лѣтъ позже; трудно ли ему было нѣсколько смѣшать подробности событія и имя патріарха Игнатія поставить на мѣсто Фотія?» Намъ кажется, что спасти извѣстіе Продолжателя можетъ только комбинація, отвергаемая Макаріемъ вслѣдъ затѣмъ, именно, что Продолжатель имѣетъ въ виду *смыну* присланнаго Фотіемъ епископа руссовъ, послѣдовавшую при патріархѣ Игнатіи послѣ 867 года. И друзья и враги Фотія признаютъ, что онъ обладалъ рѣдкой способностью привязывать къ себѣ своихъ сторонниковъ; изъ всѣхъ епископовъ, имъ поставленныхъ или его признавшихъ, ему измѣнили въ 867—877 г. лишь очень немногіе; а огромное ихъ большинство лишилось каедръ и было замѣнено игнатіанами. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что въ ихъ числѣ былъ и отправленный или назначенный къ русскимъ епископъ.

На стр. 17, примѣч. 1 г. Васильевъ повторяетъ мнѣніе О. Гарнака, что разрывъ сватовства Константина, сына Василя Македонянина, за Ирменгарду, дочь Людовика II, произошелъ изъ за «основаній церковнаго характера». Не знаемъ, какія бы это могли быть основанія. Во первыхъ, послѣ низложенія Фотія и собора 869—870 г. ни Римъ, ни Византія не имѣли никакихъ правъ подозрѣвать другъ друга въ ереси или расколѣ. Во вторыхъ, аналогичный случай изъ VIII вѣка показываетъ, что такой разрывъ могъ послѣдовать и безъ всякихъ каноническихъ поводовъ; разумѣемъ исторію Ротруды-Эриэро, см. у Теофана подъ 6274=782 и 6281=788 годами. Переговоры начались и шли успѣшно въ 782 г., когда официально церковное единство между Востокомъ и Западомъ было разорвано; и «благочестивая» Ирина разорвала сватовство въ 788 г., когда это единство только что было восстановлено седьмымъ вселенскимъ соборомъ и предшествовавшей ему перепиской. Въ третьихъ, не только при патріархѣ Игнатіи, а даже послѣ 1054 года церковное раздѣленіе не мѣшало брачнымъ проектамъ, когда они были желательны для византійской дипломатіи; такъ сынъ Михаила Параниаки былъ обрученъ съ Еленой, дочерью Роберта Гвискарда, племянница императора Никифора III вышла за короля венгерскаго и т. д.

Другой примѣръ неточной передачи г. Васильевымъ ученыхъ мнѣній касается источниковъ о павликіанахъ. По о. Карапету Теръ-Мкртчяну¹⁾,

1) Die Paulikianer im byzantinischen Reich, Leipzig 1893.

говорить г. Васильевъ, древнѣйшее извѣстiе о павликианахъ принадлежитъ игумену Петру; извѣстiе это принято въ свою хронику Георгiемъ Монахомъ; сочиненiе Фотiя противъ манихеевъ есть распространенное изложенiе Петра игумена, а сочиненiе Петра Сицилiйца составлено въ позднѣйшее время сплошь по Фотiю. Сказанное — вѣрно, но пропущено главное: о. Карапетъ въ самомъ то фотiевомъ сочиненiи признаетъ подлинными лишь книгу 1, главы съ 1—10; а бoльшая и важнѣйшая вторая половина первой книги (а также, можетъ быть, и всѣ книги 2—4, о которыхъ о. Карапетъ не высказываетъ рѣшительнаго мнѣнiя) составлена, по его мнѣнiю, по Паноцiи Еввимиа Зигавина, т. е. въ XII вѣкѣ. Далѣе: по самому главному вопросу, о сочиненiяхъ Фотiя и Петра Сицилiйца, проф. Фридрихъ не противникъ, какъ выходитъ у г. Васильева, а союзникъ о. Карапета; онъ не «отвергаетъ предположенiя о Петрѣ игуменѣ», а лишь считаетъ полнымъ текстомъ игумна и источникомъ «подлиннаго» Фотiя не Гизелерова Петра игумна ¹⁾, а текстъ, найденный имъ, Фридрихомъ, въ эскурiальской рукописи Георгiя Монаха—гдѣ онъ однако, по мнѣнiю проф. Фридриха, представляетъ вставку. Эргардъ, представленный у г. Васильева какъ бы солидарнымъ съ Фридрихомъ, на дѣлѣ идетъ противъ Фридриха почти въ той же мѣрѣ, какъ и противъ о. Карапета: онъ указываетъ на обстоятельство, упущенное изъ виду обоими названными учеными: именно, что рукописи какъ полнаго Фотiя (Palat. 216), такъ и Петра Сицилiйца (Vatic. 508) восходятъ къ X вѣку, и стало быть о происхожденiи ихъ сочиненiй въ XII вѣкѣ и о влiянii на нихъ Зигавина не можетъ быть рѣчи. Но загадка тѣснаго родства Фотiя и Сицилiйца этимъ еще не разрѣшается. Намъ кажется, что кардиналъ Гергенрѣтеръ (въ своемъ извѣстномъ сочиненiи о Фотiи) подошелъ къ истинѣ ближе, чѣмъ всѣ новѣйшiе ученые. Онъ указалъ 1) что Сицилiецъ зависитъ отъ Фотiя, а не наоборотъ и 2) что въ древнемъ Palat. 216 сочиненiе Фотiя приписано Митрофану смирскому, извѣстному непримиримому игнатiанину; въ соотвѣтствiе тому въ Palat. 216 и имя iеромонаха Арсенiя, адресата четвертой (писанной Фотiемъ въ заточенiи) книги, замѣнено именемъ другого извѣстнаго игнатiанина, Антонiя кизикскаго (того, котораго Фотiй смѣнилъ своимъ другомъ Амфилохiемъ), и что причина такой замѣны — гонительство на память и имена Фотiя и его сторонниковъ. Исходя изъ этихъ данныхъ, мы полагаемъ вѣроятнымъ, что двойная форма сочиненiя Фотiя (съ его именемъ и съ именемъ Петра Сицилiйца) возникла дѣйствительно благодаря противофотiанской партii, и притомъ тогда, когда партiя эта была всего сильнѣе, то есть въ 867—878 годахъ. На основанii эскурiальскаго Петра Игумена и собственныхъ разслѣдованiй Фотiй, въ эпоху до 867 года, написалъ вчернѣ свои 1—3 книги «противъ манихеевъ»; поводомъ къ тому была павликианская пропаганда въ только что обращен-

1) См. его Appendix ad Petrum Siculum, 1849.

ной Болгарии. После изложения его в 867 и 869 — 870 годах его манускрипт, вместе со всей его библиотекой, был отобран у него игнатянами, как он сам свидетельствует в начале 4-й книги; правительство патриарха Игнатия унаследовало от Фотия болгарское и павликианское дело, и решило воспользоваться трудом Фотия. Дело взял на себя Митрофань смирский — почему и явились списки фотиева сочинения с именем Митрофана; он перебрал 1-ую книгу Фотия, содержащую историю и ввержение павликиань; обличать же еретиков устами Фотия, «еретика, насильника и прелюбодѣя», игнатяне не хотѣли, и потому не воспользовались второй и третьей книгами Фотия, а составили свои. Все сочинение было издано, для правдоподобия, под именем Петра Сицилийца, только что вернувшегося из павликианской столицы, Тефрики, и снабжено соответственными вставками. Отсутствие среди игнатянь крупных ученых и литературных сил сказалось во всѣх признаваемой слабости обличений «Петра Сицилийца» сравнительно с фотиевыми¹⁾.

1) Кстати коснемся вопроса о происхождении имени павликиань. О. Карапетъ полагаетъ, что оно — армянское, и первоначально не имѣло никакой связи с именем Павель. Каковъ его истинный смыслъ и этимологія — о. Карапетъ отказывается опредѣлить; смыслъ «мерзость, гнусность», даваемый лексиконами слову Պաղկիկիանիք, онъ считаетъ побочнымъ. Другая форма Pollikian (армянскаго начертанія о. Карапетъ не сообщаетъ), дважды встрѣчающаяся у Иоанна оцнйсаго, тоже не можетъ имѣть связи с именем Павла, въ силу двойного л и другого, чѣмъ въ имени, о (а, а не ա, какъ въ Պաղկ — Павель). Видѣть здѣсь искаженную греческую форму слова нельзя де потому, что 1) Иоаннъ гораздо старше нашихъ греческихъ источниковъ, 2) греческая этимологія παυλικιανός отъ Παῦλος невозможна, 3) армянская народная этимологія легко могла произвести Pollikian отъ уничижительнаго Պաղկիկ, откуда Պաղկիկիանիք послѣдователь нѣкоего негоднаго, презрѣннаго Павла (родительный падежъ мн. ч. Polikepaz встрѣчается въ армянской версиі Дамаскина *per: airesew*). Проф. Фридрихъ, развивая пунктъ 2, находитъ, что по гречески «ученикъ Павла» можетъ зваться παυλιανός, παυλιανιστής, но не παυλικιανός. Фотиеву этимологію (Παυλοϊωάννοι, отъ полумифическихъ сыновей родоначальницы секты, Каллиники) оба названные ученые справедливо отвергаютъ.

Намъ кажется, вопреки о. Карапету, что отвергать происхождение имени нашихъ еретиковъ отъ имени Павель значитъ спорить противъ очевидности. Переходъ начертанія Պաղկ въ Պղк на армянской почвѣ не только мыслимъ, а даже вовсе нерѣдокъ; см. Марръ, Грамматика древнеармянскаго языка, § 14, прим. 2. Въ частности встрѣчается и начертаніе Պղկ; напр. см. Сб. Пр. В. III, стр. 40^a, 22; 40^b, 24; 41^a, 25; списокъ рукописей Севанскаго монастыря (Москва 1892), стр. 17^b, 28; въ цитатахъ у Дашяна, *Catalog der armenischen Handschriften*, Wien 1895, указатель, стр. 1141 и т. д. Производство же Պաղկիկիանիք отъ Պաղկիկ невозможно, ибо Պաղկիկ + անи давало бы не Պաղկիկիանիք, а Պաղկ(ը)իանիք (тамъ же § 53 слѣд). Остается предположить, что слово это греческое, и армянами взято у грековъ, а не наоборотъ. Правда, Иоаннъ оцнйскій на столѣтіе старше Теофана; но это еще не значитъ, что онъ старше греческаго имени павликиань. Кромѣ того, въ обоихъ мѣстахъ у Иоанна (въ заглавіи бесѣды его противъ павликиань и въ 32-мъ его канонѣ, который о. Карапетъ почему-то называетъ канонемъ двинскаго собора), гдѣ является слово Pollikian, оно имѣетъ видъ простой глоссы; а двойное л указываетъ какъ разъ на неармянское, и именно греческое происхождение этого слова (см. Марръ, Грамматика древнеармянскаго языка, § 49).

Иногда, какъ намъ кажется, г. Васильевъ увлекается желаніемъ сохранить всѣ имѣющіяся показанія объ извѣстномъ фактѣ; такъ онъ сохраняетъ два, почти тождественные, разсказа о причинахъ паденія Сиракузы при Василии I и Таормины при Львѣ VI. Намъ кажется, что это — дублетъ; и притомъ само извѣстіе — не болѣе, какъ константинопольская столичная сплетня. Истинною причиною равнодушія правительства къ судьбѣ обоихъ городовъ было не увлеченіе церковнымъ строительствомъ, а трезвое сознание того, что Сицилія потеряна и что съ наличными силами имперіи отстаивать отдѣльные ея пункты безсмысленно и невозможно.

По существу расходимся мы съ г. Васильевымъ въ вопросѣ о судьбѣ о. Кипра въ VIII столѣтіи. По г. Васильеву (стр. 51 — 52, 197 слѣд. и 94—95) о. Кипръ, завоеванный арабами при халифѣ Османѣ въ 648 г., оставался подъ ихъ властью сплошь весь періодъ до патріарха Николая Мистика, за вычетомъ лишь недолгаго, приблизительно съ 874—879/80 гг., періода, когда его завоевалъ имп. Василій I. Все это время, по его изложенію, на Кипрѣ дѣйствовалъ особый договоръ между кипріотами и арабами, устанавливавший взаимный нейтралитетъ и какъ бы совмѣстное владѣніе островомъ; договоръ, настолько выгодный для христіанъ, что они, не чувствуя тяготы обычнаго положенія побѣжденныхъ народовъ, и зная, что всякая попытка отложиться повлечетъ за собой потерю этихъ льготъ, втеченіе этого болѣе чѣмъ 250-лѣтняго періода оставались вѣрными подданными арабовъ, и даже въ 874—880 гг. обманули расчеты Василия на ихъ поддержку, чѣмъ преимущественно объясняется быстрая потеря послѣднимъ новозавоеванной Кипрской еемы.

Главное основаніе для такого изображенія дѣла г. Васильевъ находитъ въ письмахъ патріарха Николая Мистика къ критскому эмиру, и въ виду такой ихъ для него важности приводитъ эти письма въ переводѣ

Армянское окончаніе *hwb* или *wb* даетъ обычно въ греческомъ не *-ανός* или *-ανός*, а *-άνης* (ц. *wzw* = *Βχάνης* и т. д.). Въ рукописномъ армянскомъ Номоканонѣ бібліотеки СПб. Университета, общаго инвентаря № 2272, въ текстѣ 32 правила Іоанна однойскаго встрѣчаемъ начертаніе *цнлrlrlhwbr* (безъ двойного *rl*), а въ оглавленіи, въ заглавіи той же статьи, стоитъ *цнлrlrlhwbr*. Такое разнообразіе начертаній, по мнѣнію проф. Марра, свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ они — попытки транскрибировать греческое *παυλικιανός*. Греческая же этимологія этого слова совсѣмъ не такъ немыслима, какъ полагаетъ о. Карапетъ. И онъ, и проф. Фридрихъ упустили изъ вида: 1) что «послѣдователь Павла, павловець» можетъ зваться по гречески не только *παυλιανός* или *παυλιανιστής*, а также и *παυλικός* (какъ *Σωκρατικός*, *Αριστοτελικός*, *Όμηρικός*, *Μανιχαϊκός*) и 2) что еретики выдавали себя за послѣдователей не столько Павла, сколько *учениковъ Павла*: наставники, именами которыхъ они клялись, звали себя Силуанами, Епафродитами, Титами, Тимоеями, Тихиками, но — не Павлами. Итакъ православнымъ (сами еретики звали себя, какъ извѣстно, не павликіанами, а христіанами) вполне естественно было звать еретиковъ «послѣдователями (мнимыхъ) учениковъ Павла»; а *παυλικιανός* производится отъ *παυλικός* столь же естественно, какъ *χριστιανός* отъ *Χριστός*. Если Фотій и другіе не приводятъ этой простой этимологіи, то не потому, что слово *παυλικιανός* звучало дико для ихъ слуха, а просто въ силу извѣстнаго пристрастія византійскихъ книжниковъ къ искусственности вообще, и въ частности — къ искусственнымъ словопроизводствамъ.

въ приложеніяхъ къ своему труду. На стр. 51, прим. 2, онъ ссылается еще на извлеченія изъ Агація Манбиджскаго, какъ на «примѣръ» писателя, говорящаго о раздѣленіи острова пополамъ между арабами и кипріотами. На стр. 52 и прим. 1 онъ отмѣчаетъ, что византійскіе источники не знаютъ, что хараджъ съ кипріотовъ шелъ наполовину мусульманамъ, на половину грекамъ (какимъ?); и въ примѣчаніи 3 на той же стр. 52 заявляетъ свое полное несогласіе съ моимъ мнѣніемъ, что въ VIII в., именно послѣ 746 г., почти всѣмъ Кипромъ владѣла Византія.

По поводу этихъ страницъ я долженъ прежде всего выразить удивленіе по поводу того, что мою, ошибочную по его мнѣнію, фразу о Кипрѣ г. Васильевъ приводитъ повидимому какъ новый, лично мнѣ принадлежащій, взглядъ. На дѣлѣ же это взглядъ весьма распространенный. Въ атласѣ Шпрунера-Менке, 1-го изданія (см. карту Европы при Карлѣ Великомъ), весь островъ Кипръ, безъ всякихъ оговорокъ, отнесенъ къ восточной имперіи. Папарригопуло, говоря въ различныхъ мѣстахъ своей исторіи эллинскаго народа о границахъ имперіи при иконоборцахъ, хотя не безъ колебаній, однако включаетъ въ имперію о. Кипръ, по крайней мѣрѣ частью. Наконецъ авторъ спеціальной исторіи о. Кипра, Сакедларій, т. I, 399 (трудъ Сакедларія не только извѣстенъ г. Васильеву, но онъ цитуетъ изъ него сосѣднія страницы 395/6 и 400), прямо говоритъ, что послѣ морской побѣды 746 г. во все правленіе Копронима и даже далѣе, до 800 г., весь Кипръ, какъ кажется, принадлежалъ Византіи; моя фраза есть только, провѣренное мною, воспроизведеніе Сакедларіева взгляда.

Наконецъ и Гельцеръ въ очеркѣ византійской исторіи (въ крумбахеровой «Ист. виз. литературы») говоритъ, что въ 746 г. былъ истребленъ сарацинскій флотъ, который долженъ былъ *вновь вырвать* Кипръ у грековъ,—откуда ясно, что по Гельцеру: 1) до 746 г. Кипромъ владѣли греки, 2) что и послѣ 746 г. имъ владѣли они же еще прочнѣе. Въ новыхъ изданіяхъ упомянутаго историческаго атласа, на картахъ отдѣла «Востокъ», общей нумераціи №№ 78, 79 и 81 находимъ слѣдующее. На первой, отъ хиджры до с. 750 г., Кипръ отнесенъ къ халифату, но съ отмѣткой: «съ 648 г. нейтраленъ, платитъ дань и восточнымъ римлянамъ и мусульманамъ». На второй, для періода 679 — 895 г., Кипръ тоже отнесенъ къ халифату, но съ отмѣткой: «съ 686 г. наполовину принадлежитъ византійцамъ; съ 867—886 оема вост. имперіи». Такимъ образомъ въ новыхъ изданіяхъ атласа находимъ взглядъ такъ сказать средній между взглядомъ г. Васильева и Сакедларія, и, если я правильно понимаю г. Васильева, средній съ наклономъ не въ его пользу: по г. Васильеву половина хараджа шла все время въ пользу грековъ-кипріотовъ, а по атласу—въ казну восточной имперіи; по Васильеву Кипромъ владѣютъ совмѣстно халифатъ и кипріоты, по атласу Менке—халифатъ и имперія.

Поэтому мнѣ кажется можно пожалѣть, что упомянувъ о взглядѣ—не моемъ, а мною раздѣляемомъ, г. Васильевъ не вошелъ въ подробное опроверженіе его, а ограничился ссылкой на письма Николая Мистика,

какъ на рѣшающія будто бы дѣла. Что онъ пока даетъ, для меня совершенно неубѣдительно.

Во первыхъ письма Николая Мистика, важности и интереса которыхъ я не думаю отрицать, писаны въ началѣ X вѣка (какъ и хроника Агапія Манбиджскаго); во вторыхъ не надо забывать, что передъ нами не лѣтопись, а дипломатическая переписка, съ одной стороны—изображающая событія слишкомъ суммарно, съ другой стороны—подлежащая подозрѣнію въ тенденціозности. Поэтому неосторожно основывать на ней одной историческое изложеніе, и особенно относить ея данныя не только къ затронутому періоду въ цѣломъ, но и къ каждому отдѣльной части этого періода; нельзя ея сгущенныя краски принимать за истину, когда тенденція: пристыдить эмира за жестокость репрессій и побудить его переложить гнѣвъ на милость—совершенно ясна. Что переписка Николая Мистика (впрочемъ какъ едва ли не всякая) представляетъ тенденціозныя искаженія событій, это можно доказать съ помощью книги самого г. Васильева. Такъ напр. въ письмѣ 76, неоднократно цитуемомъ г. Васильевымъ, мы читаемъ: «Вспомни, дитя, когда Киръ Фотій и всѣ хиротонисанные имъ были изгнаны, дѣдъ императора нашего разорилъ Тефрику, взялъ Бари, подчинилъ Лонгобардію, Тарентъ и прочія крѣпости вырвалъ изъ сарацинской власти; когда же скончался Киръ Игнатій, и Киръ Фотій и его хиротоніи воссоединились, пропала Сиракуза и вся Сицилія». Обращаясь къ книгѣ г. Васильева находимъ, что Сиракуза была потеряна 21 мая 878 г., т. е. полгода до смерти патріарха Игнатія; Тарентъ же взятъ византійцами (Львомъ Апостиппомъ) въ 880 г. или еще немного позже. Это не значитъ ни того, что хронологія г. Васильева невѣрна, ни того, что Николай Мистикъ забылъ, когда взята Сиракуза; цѣль Николая—внушить своему корреспонденту весьма для него важную мысль, выраженную въ началѣ письма: «не потому несчастливо идутъ наши политическія дѣла, что не соединены съ церковью принявшіе четвертый бракъ». Вотъ онъ и относитъ всѣ удачи византійскаго оружія къ эпохѣ фотіанской распри, а всѣ неудачи—къ эпохѣ послѣ ея окончанія.

Но далѣе: если Николай Мистикъ и не тенденціозенъ, то его показаніе, что на Кипрѣ 250 лѣтъ была тишь и гладь и Божья благодать, можетъ быть просто ошибочно; и факты изъ исторіи Кипра за VIII в. и показанія на этотъ счетъ Теофана, писавшаго въ началѣ IX в. и притомъ вовсе несклоннаго преувеличивать успѣхи Копронима, значатъ гораздо болѣе. Эти показанія рисуютъ намъ совсѣмъ иную картину; они приведены у Сакедларія, но даже не упомянуты у г. Васильева.

Вотъ эти показанія: въ 686 г. имп. Юстиніанъ II заключилъ съ халифомъ миръ, по которому онъ обязывался отозвать мардаитовъ изъ Ливана, а халифъ, между прочими уступками, долженъ былъ согласиться на то, чтобы доходы съ Арменіи, Ивиріи и *Кипра* шли пополамъ ему и императору. (Итакъ заявленіе г. Васильева, что византійцы знаютъ только о дани кипріотовъ *арабамъ*, невѣрно). Мы не знаемъ, какъ долго и какъ

точно соблюдался этотъ договоръ; но объ отмѣнѣ его у Теофана нигдѣ не говорится. Далѣе, по Теофану, въ 744 г. халифъ Велидъ *завоевалъ* было Кипръ, но зато въ 746 г. сарацинскій флотъ подвергся у Кипра въ гавани такому разгрому, что изъ 300 судовъ уцѣлѣло только 3. Что послѣ этого византійцы овладѣли Кипромъ, прямо не говорится; но во-первыхъ аргюи невѣроятно, чтобы такая ихъ побѣда, какую можно сравнить развѣ съ Чесмой или Навариномъ, прошла безслѣдно для политической судьбы острова; во вторыхъ у Теофана слѣдуетъ рядъ показаній, изъ которыхъ ясно, кто былъ въ послѣдующія десятилѣтія если не единственнымъ, то преимущественнымъ хозяиномъ на островѣ. Въ 770 г. Михаилъ Лаханодроконтъ собираетъ монаховъ своей еомы и ставитъ имъ выборъ: или одѣться тотчасъ въ бѣлое платье и жениться, или подвергнуться казни ослѣпленія и ссылки на о. Кипръ. Ссылать непокорныхъ монаховъ въ сарацинскую землю, куда они сами толпами бѣжали отъ гоненій Константина, было бы бессмысленно; да и невозможно *назначать* мѣстомъ ссылки нѣкоторую определенную *чужую* мѣстность: Константинъ могъ выгнать монаховъ просто изъ родины, но сослать ихъ именно на Кипръ, если бы имъ владѣли сарацины, было также невозможно, какъ напр. невозможно было бы англичанамъ сослать генерала Кронье на Сахалинъ. Далѣе подъ 6282 г. читаемъ: арабы снарядили флотъ въ походъ противъ Кипра; предузнавъ ихъ намѣреніе, императрица Ирина отправила свой флотъ имъ навстрѣчу; арабы тогда перемѣнили курсъ навстрѣчу византійцамъ и въ Атталіотскомъ заливѣ произошло сраженіе, исходъ котораго неясенъ; говорится только о плѣнѣ и мученичествѣ за вѣру богатыря Теофилакта, неблагоразумно бросившагося впередъ и отбившагося отъ *corps d'armée*. Далѣе подъ 6299 г.: Византія, въ противность условію только что заключеннаго мира, возобновляетъ Тіаны и другія крѣпости. Тогда халифъ Гарунъ отправляетъ флотъ на Кипръ, разоряетъ тамъ церкви *καὶ τοὺς Κυπρίους μετέστησε καὶ πολλὴν ἄλωσιν ποιήσας τὴν εἰρήνην διέστρεψε*. Изъ послѣднихъ словъ ясно, что по Теофану этотъ походъ былъ не желѣзная мѣсть халифа имперіи на своихъ же неповинныхъ христіанскихъ подданныхъ; *это было нарушеніе только что заключеннаго мира*, т. е. это было военное предпріятіе, направленное противъ самой имперіи. Всѣ эти данныя ставятъ вѣ сомнѣнія, что въ VIII столѣтіи Кипръ весь или почти весь принадлежалъ имперіи. Говоримъ: или *почти* весь, потому что въ числѣ земель, куда спасались православные отъ Копронима, житіе св. Стефана Новаго называетъ между прочимъ и о. Кипръ — мѣсто ссылки тѣхъ же православныхъ. Ослѣпленные и сосланные монахи вѣроятно были размѣщены на Кипрѣ по византійскимъ укрѣпленіямъ въ качествѣ рабочихъ-саперовъ.

Наконецъ показанія Теофана подтверждаются и актами VII вселенскаго собора: изъ нихъ видно, что на соборѣ присутствовало не менѣе 6 епископовъ съ Кипра, въ то время, когда со всего сарацинскаго востока не могло явиться ни одного: даже пригласительныя письма Тарасія не

были доставлены патриархамъ, и мѣстоблюстители Іоаннъ и Θома явились тайкомъ, безъ официальныхъ полномочій. Сарадины крайне подозрительно смотрѣли на всякія сношенія христіанскихъ духовныхъ лицъ съ имперіей, и никакой нейтральной договоръ не обязывалъ ихъ разрѣшить такой опасный шагъ или оставить его безнаказаннымъ. Кипрскіе епископы какъ видно, присутствуютъ какъ всѣ прочіе епископы имперіи.

Далѣе приходится говорить о больномъ мѣстѣ чуть не всей русской литературы по византиновѣдѣнію — о непослѣдовательной и неправильной транскрипціи собственныхъ именъ. Мимоходомъ указавъ на имена греческія (или Гераклея и Пелопоннесъ, или Ираклія и Пелопоннись, и т. д.) поговоримъ объ армянскихъ. Не знаемъ, откуда заимствовали г. Васильевъ свою транскрипцію, но одобрить ея нельзя. Армянское *z* можно передавать по русски или черезъ *z*, соотвѣтственно, первоначальному звуку (какъ и передаетъ его о. Карпетъ по нѣмецки); или черезъ *г* (или *г'*—по Н. Я. Марру), какъ *z* приблизительно звучитъ теперь, и какъ передается у насъ постоянно напр. въ именахъ: Египшэ (Елисей), Гевондъ (Леонтій), Гукасъ (Лука; ср. фамилію Тер-Гукасовъ). Итакъ: не Асохикъ (какъ у стр. 102¹), а или Асоіикъ, или Асоіикъ. Еще хуже обстоитъ дѣло въ Семпадомъ г. Васильева (стр. 100 и др.). Это—исконное (дохристіанское) армянское имя; въ христіанское время оно и армянами (Моисей Хоренскій) и византійцами (Θеофанъ подъ 6185 г.) уравнивается имени Савватій (въ боннскомъ изданіи Θеофана стоитъ, ближе къ армянскому, Σομβάτιος; но у де Боора, по Анастасію Библиотекарю, Σαββάτιος—доказательство, что Анастасій не всегда даетъ наилучшую форму текста Θеофана). Это имя пишется по армянски *U(ε)Γ-...*, а по русски должно писаться, лучше всего, Сѣмбать, пожалуй также Сембать и Сѣмбать, но ни въ какомъ случаѣ не «Семпадъ».

Иногда г. Васильевъ цитуетъ источники въ чужихъ переводахъ, не провѣряя послѣдніе; такъ на стр. 7 слова изъ гомиліи Фотія: (πόδες) ἡ βροβροχὴ αὐτῆ καὶ πικρὴ καὶ ἄδρόα (κατ'ερράγη) θάλασσα переводятся (по Ловягину): «упорное и грозное море» (т. е. войско русскихъ), хотя πικρὸς и ἄδρόος не значатъ ни того ни другого, а значатъ «тѣсносложенный» («боевые батальоны тѣсно въ рядъ идутъ»...); тамъ же ὄμιος передано слабо черезъ «грубый» (вмѣсто «свирѣпый»). Вообще въ изложеніи замѣтна нѣкоторая поспѣшность и небрежность, подчасъ способная затруднить читателя; стр. 21—22, прим. 2 греки являются вмѣсто арабовъ и «поспѣшно оставляютъ» Таормину, «принявъ подходящаго Мухаммеда за греческія подкрѣпленія». Тоже надо сказать о корректурѣ; курьезны опечатки вродѣ «казнѣ» вмѣсто «казни» (стр. 25, стр. 5) и «Каликійскія ворота» (стр. 61, стр. 4 снизу).

Б. Меліоранскій.

Октябрь 1902 г.

1) Впрочемъ такъ писалъ и В. Г. Васильевскій.